

Похищение Европы

Общим местом в рассуждениях о политическом режиме, установившемся в России после распада СССР, стало утверждение, что, хотя этот режим и является авторитарным, он не может быть устойчивым даже в среднесрочной перспективе, поскольку, в отличие от коммунистического режима, не опирается на идеологию. И отчасти, — по крайней мере, до самого последнего времени, — так оно и было. Даже остервенелая пропагандистская кампания, начало которой положил конфликт с Украиной, не стала доказательством обратного, так как примитивный трайбалистский шовинизм, пусть даже выраженный весьма экспрессивно, не тянет на метаидеологию, способную обеспечивать устойчивость власти в течение сколь-нибудь длительного срока. Эмоции, как правило, иссякают достаточно быстро, долго живут только идеи. Но именно идей в широко разрекламированной «русской весне» практически никаких и не было.

Те, кто не верил до сих пор в способность режима создать идеологию, справедливо полагали, что идеологию нельзя связать как носки, что для ее возникновения нужны культурная база, историческая традиция, усилия нескольких поколений и многое другое, чего в посткоммунистической России не существовало. Именно поэтому **бесконечные попытки бесчисленных кремлевских администраций «написать» идеологию в какой-нибудь «Барвихе» или в каких-нибудь «Соснах» всегда заканчивались оглушительным провалом. Но то, что нельзя создать, можно позаимствовать.**

Запретив поставки сыра и колбасы из Европы, Россия отнюдь не отказалась от главной статьи своего импорта — от приобретения нужных ей идей. Просто теперь из Европы в Россию поступают другие идеи, чем раньше. Была мода на либеральные идеи, пришла мода на идеи реакционные.

Импорт идеологии — традиционный способ решения проблем с «духовными скрепами» в России. Россия сначала берет что-то чужое и по большому счету не очень нужное в Европе, потом переделывает его до неузнаваемости и, наконец, начинает продавать обратно как исконно свое, русское. Так **европейский марксизм был завезен в Россию горсткой энтузиастов, но после того, как его скрестили с «народничеством», превратился в «русский коммунизм» (большевизм), которым потом еще долго «травили» все ту же Европу. И сегодня Россия не отказывается от своей европейской идентичности, а просто меняет ее профиль, импортируя новый «духовный боекомплект».**

Раскол Европы

Большинство наблюдателей, в чьем поле зрения по тем или иным причинам оказался сочинский форум, ограничились знакомством с речью Путина (а многие вообще ограничились тезисами в изложении ведущих новостных агентств). Путин, однако, не был ни самым интересным, ни даже самым «яростным» из докладчиков. Он, кстати, ни капли не солгал, говоря о том, что он «голубь», потому что ястребом в Сочи был Вацлав Клаус, чью речь прочитали гораздо меньше людей, чем она того заслуживает.

Вацлав Клаус — самый что ни на есть европеец. Более того, он один из соавторов «бархатной революции». Он не похож на «политических коммивояжеров», вроде Шредера или Берлускони. Его трудно заподозрить в меркантилизме. И если уж он появился в Сочи, то для этого должны быть веские идеологические и политические причины. Сам его приезд, не говоря уже о его речи, отражает глубокий раскол Европы, игнорировать

который становится все труднее даже самым закоренелым поборникам «европейского пути» и «европейского выбора».

Единой Европы, как и единой европейской политики или единого европейского взгляда на мир, более не существует. Потому сегодня уже мало сказать российскому народу — иди в Европу. Надо обязательно уточнить — в какую...

Европа раскололась в вопросе об отношении к последствиям глобализации, которую сама же и взлелеяла. Когда «глобализация» продемонстрировала, что помимо сладких «вершков» у нее есть еще и горькие «корешки» (беженцы, локальные войны, перманентная экономическая нестабильность и так далее), европейцы поделились на тех, кто решил еще сильнее надавить на «газ», и тех, кто решил резко ударить по «тормозам».

Любовная лодка европейского либерализма разбилась об иммигрантский быт. Следствием развода европейских либералов стало образование двух политических полюсов в Европе: левых «еврооптимистов» с их догматической политкорректностью и ханжеским мультикультурализмом и правых «евроскептиков» с их архивным национализмом и циничным прагматизмом. В тяжелую для Кремля минуту «евроскептики» протянули ему руку помощи и стали новыми духовными друзьями России.

Последний учитель

На своем долгом веку Россия видела разных учителей из Европы, но таких, пожалуй, еще не было. Европейские антиглобалисты, остающиеся пока у себя дома в меньшинстве, смотрят на Россию с надеждой, и поэтому Клаус едет в Россию, преодолевая все санкционные барьеры. Вслушаемся в то, что он говорит о современной Европе:

«Существующие проблемы... проистекают скорее с Запада, чем с Востока... Именно в Европе провал в текущем развитии оказался сильнее, чем в других частях мира... Самая значительная угроза нашему миру, свободе и демократии проистекает не от «Исламского государства», «Аль-Каиды» (*запрещенных в России организаций* — ред.) или каких-то арабских убийц всех мастей, которых мы наблюдаем во всех странах мира... Проблема в основном заключается в том, что мы сами нерешительны и не готовы приспособливаться к жизни... Мы стали жертвой новых ошибочных «измов»: это соответственно движение борьбы за права человека, мультикультурализм, инвайроментализм, или борьба за сохранение окружающей среды, гомосексуализм, космополитизм и транснационализм... Мы не готовы... пожертвовать нашей комфортной жизнью и поступиться нашими предрассудками. У нас нет каких-то сильных мнений. Наблюдается определенная общественная апатия, выхолащивается образование, не говоря уже об идеологической индоктринации, навязывании определенных взглядов, что напоминает мне коммунистическую эпоху. Мы заменяем образование как раз политкорректностью и навязыванием определенной идеологии».

Тут даже Дугин с Милоновым нервно курят в сторонке. Идеологически Путин в Сочи был вторичен, а Клаус первичен. К удивлению многих, идейной матрицей «власти крымского периода» стало не доморощенное евразийство с его сомнительной интеллектуальной начинкой, а нечто другое. Кремль предпочел поднять над Россией знамя «европейской реакции».

Теперь он будет долго и мучительно переплавлять «европейство» с «евразийством», пока не родит такую же гремучую смесь, как «русский коммунизм». Помешать ему может только дефицит исторического времени.

Антиглобалистский интернационал

Случилось то, что, с моей точки зрения, давно должно было случиться, — Россия стала мировым лидером антиглобализма. Кому как не ей с ее мощным антикапиталистическим социальным кодом было братья за эту миссию? Политически Путин первичен, а Клаус вторичен. Пока Клаус говорит, Путин действует: он строит мост, который должен соединить противников глобализации «внутри» и «вокруг» Европы. Он создает свой антиглобалистский интернационал, который должен помочь России вырваться из очередного «враждебного капиталистического окружения».

Антиглобализм — это мантра для тех, кто не видит своего места в будущем и поэтому хочет, чтобы будущее никогда не наступило? Под знаменами антиглобализма собирается довольно пестрая толпа странных субъектов: здесь и Россия, и Иран, и хранители христианских традиций, и ревнители расовой чистоты. Объединяет их одно: в собственные силы и в свою конкурентоспособность они не особо и верят, поэтому хотят получить некие формальные гарантии сохранения исторического статус-кво. Оставьте европейцам Европу, России — СНГ, а Ирану — Ближний Восток и идите с миром. Не лезьте в наши дела, не учите нас жить, не меняйте правил игры, и все как-то само собою устроится. Это был бы прекрасный план, если бы его можно было реализовать. Но еще никому не удавалось остановить время.

Интересно, что в этом интернационале нет ни Америки, ни Китая, ни Индии — собственно, тех трех локомотивов, которые сегодня разгоняют эшелон глобализации. И это не случайно: Америка верит в себя и рассчитывает, что удержит ситуацию под контролем, а Индия и Китай верят, что в новом, пока еще неизведанном мире у них будет лучшее место, чем сейчас. Им всем не по пути с антиглобалистами, потому что антиглобалисты — это те, кто на знаменитый гамлетовский вопрос отвечают: не быть. Но хотя антиглобализм и является религией слабых, это вовсе не значит, что у него нет будущего. Известно ведь, что религии угнетенных часто становились впоследствии религиями господствующих классов. Так что я не берусь предсказывать быстрый крах нового кремлевского проекта.

Священный Евросоюз

Предположение, что Россия уходит из Европы (то ли в Азию, то ли внутрь себя), было ошибкой. Сочинский форум показал, что Россия на самом деле не намерена покидать Европу (не дождется...), что союз с Китаем — миф (поддерживаемый скорее бессознательно, чем сознательно), а евразийский изоляционизм — блеф (вполне сознательный). Россия не удаляется от Европы, а скорее приближается к ней. Маловероятно, однако, что Европа будет этому сильно рада...

Но кое-кто в Европе, безусловно, будет рад. У Кремля есть своя «пятая колонна» на Западе. Более того, ее численность постоянно растет. Сделав антиглобализм чуть ли не официальной идеологией посткоммунистической России, российский лидер напал на золотую жилу, из которой, в принципе, можно черпать полной ложкой политические дивиденды еще не одно десятилетие.

Россия стремительно превращается в центр европейской реакции (отнюдь не все воспринимают это слово исключительно с отрицательно коннотацией). Вряд ли здесь можно всерьез говорить об изоляционизме.

Русская внешняя политика, похоже, кроится сегодня по лекалам не столько XX, сколько XIX века. Россия активно готовит к выходу в свет второе издание Священного союза, которое, впрочем, завернуто в ту же старую «суперобложку», на которой изображен русский витязь, рубящий голову гидре революции. Просто масштаб явления сегодня другой: не европейский, а мировой. В этом новом «хождении в Европу» Кремль может, безусловно, и надломиться. Но до этого Россия нальет в реакционные европейские меха свежего скифского вина, и нет никаких гарантий, что у Старого Света не помутнеет на время рассудок.

Происходящее достаточно точно вписывается в циклическую модель «поглощения Европы», предложенную гениальным русским философом Вадимом Цымбурским. Он предположил, что для России характерно чередование в отношениях с Европой «приливов» (когда Россия наступает на Европу) и «отливов», когда Россия уходит из Европы. Вопреки широко распространенному мнению, для России сейчас наступило время «прилива», а не «отлива».

Сегодня Россия снова активно вмешивается в европейские (не свои) дела, пытаясь играть на стороне одной из европейских партий против другой (других) партии, распывая в этой борьбе столь нужные ей самой ресурсы. До сих пор все такие «приливы» заканчивались глобальным истощением сил, за которым следовал мощный «отлив», во время которого Россия зализывала раны. Нет никаких оснований полагать, что на этот раз все будет иначе.

Великий Президентор

Если вдуматься, то Путин находится в историческом тренде. Русским императорам за граница всегда была интересней собственной страны. Там у них многое получалось, в отличие от дел домашних. Путин, конечно, еще не русский император, но уже точно и не президент России. В духе большинства своих предшественников, он глубоко погружен в геополитику, видя себя в роли освободителя Европы (да что Европы — всего мира) от революционной заразы. Думаю, что ернические замечания по поводу его «наполеоновских» планов не вполне уместны. Новоявленному русскому «Президентору» вполне по силам на время изменить расклад политических сил на континенте.

Внутренний раскол европейского общества вряд ли позволит Евросоюзу долго выступать против России единым фронтом. Прямо сейчас Россия прорывает линию европейской обороны на французском участке. Италия, Венгрия, Австрия, Испания, а также многие другие только и ждут момента, когда кто-то из стран — доноров жесткого курса (США, Великобритания, Германия и — отчасти — Франция) даст слабину, чтобы самим начать саботировать «жесткий курс» в отношении России. Европа очевидно устала от своей «доброты» и «великодушия» по отношению к Украине и хотела бы в дальнейшем ограничить свою поддержку выражением общего сочувствия. Так что этот раунд вполне может остаться за Путиным.

Но пока Путин едет по Европе на «серебряном коне», в его стране, оставленной на попечение коллективному Аракчееву, все по-прежнему не слава богу. И дело вовсе не в страхе перед революцией, которую как раз, находясь в состоянии «перманентной войны» с бесконечными виртуальными врагами России, можно долго и успешно избегать (если только не нарваться, в конце концов, на большую войну).

Президент может все что угодно: плавать брасом в сибирских реках, спорить басом с мировыми лидерами, а также бомбить террористов в Сирии и обниматься с Депардье, но

куда сложнее навести порядок в одном отдельно взятом ЖЭКе, в полицейском участке или больнице. Выстраивая новый мировой порядок, Кремль оказался не способен навести бытовой порядок в необъятной стране. Воровство, бардак, алчность губят все его планы в России. Иногда мне кажется, что президент — тоже эмигрант: он ушел с головой в геополитику...

Для Путина не существует сейчас никаких видимых внешних угроз. Находясь на вершине своей политической карьеры, будучи единоличным правителем России и вождем нового Священного союза, он лишь сам является себе угрозой из-за растущих одиночества и разочарования. Нечто подобное случилось двести лет назад с его великим предшественником, победителем Европы, создателем первого Священного союза, блистательным императором Александром I. До сих пор ходят слухи о том, что он не умер в Таганроге, а исчез, прожив в Сибири остаток жизни отшельником. Вот и Путин, похоже, никогда не будет низложен, он просто уйдет в историю вместе со своей тайной.

В. Пастухов